

Дина Рубина, Мария Аверина,
Булат Ханов, Татьяна Соловьева,
Анаит Григорян, Валерия Пустовая

ВСЕ НА ДАЧУ!

Москва
2020

УДК 821.161.1-82
ББК 84(2Рос=Рус)6я43
В84

Художественное оформление серии
Виктории Брагиной

В84 **Все на дачу!** / Дина Рубина, Булат Ханов, Мария
Аверина и др. — Москва : Эксмо, 2020. — 256 с.

ISBN 978-5-04-111263-9

Ты ждешь лета, чтобы — каникулы, отпуск, не носить громоздкие шубы и пуховики, легко выходить из дома и до ночи не включать свет. Лето проходит долго и проходит быстро. Как первая любовь, как обещание чего-то, что больше самой жизни. Но каждый раз эта уловка срывается, и кажется, что в июне начнется новая судьба...

УДК 821.161.1-82
ББК 84(2Рос=Рус)6я43

- © Рубина Д., текст, 2020
- © Аверина М., текст, 2020
- © Ханов Б., текст, 2020
- © Соловьева Т., текст, 2020
- © Григорян А., текст, 2020
- © Пустовая В., текст, 2020
- © Оформление.

ISBN 978-5-04-111263-9

ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Дина Рубина

**ДОЛГИЙ ЛЕТНИЙ ДЕНЬ
В СИНЕВЕ И ЛАЗУРИ**

Греческие вывески очень трогательны: они напоминают старательные детские письма. Моя дочь в детстве так писала букву N — с перевернутой перекладной. Видишь слово ТАΒΕΡΝΑ — и душа улыбается.

Вообще надписи, вывески, указатели, написанные на смеси родной кириллицы с таинственными зигзагами елочной конфигурации, рожают странное ощущение сна. Так во сне бывает: берешь в руки исписанный лист, пытаешься взглянуть в криво бегущую строку, перед глазами прыгают отдельные буквы, слоги... а смысл фразы ускользает.

Едешь в автобусе, и вдруг на повороте обрадованный глаз выхватывает вывеску: КАФЕ. И снова — в названиях ресторанов, магазинов, отелей — две-три русские

буквы перемежаются фигурками шрифта пляшущих человечков из знаменитого рассказа о Шерлоке Холмсе.

А какие имена у всей здешней топографии: у водопадов, побережий, пляжей, монастырей, портов и таверн... у людей, наконец! Не говоря уж о древних богах, с которыми все здесь запанибрата, ибо те обитали не на небе, а по соседству и возникали там и сям не то чтобы по первому зову царей и героев, но частенько — достаточно часто, чтобы достойному древнегреческому писателю помочь сварганить приличный литературный сюжет.

Нашего водителя зовут Васи́лис, и глаза у него синие, как у василиска. Он все время улыбается плотно сжатыми губами с таким видом, будто знает о нас нечто пикантное. Вообще к нам — ко мне и моей подруге — он относится, кажется, с легкой иронией.

Его прислали, чтобы он не только рулил, но и разговаривал. Заказывая в отеле экскурсию, моя деятельная подруга сообщила портье, что с ней писательница, *известная русская писательница*, кото-

рая приехала на Крит за впечатлениями, и поэтому...

— Ладно, — сказали на том конце провода. — Мы пришлем водителя, который *что-нибудь скажет*.

И Василис говорит — на твердом и раздельном английском, в особо патетические, вернее, патриотические моменты («Смотрите, сколько вокруг олив! миллионы!!! наше масло — лучшее в мире!»), переходя на мягко шелестящий, проворный греческий, в котором у каждого слова на конце либо восхитительный лисий хвост, либо залихватское притоптывание. Спустя минут двадцать такого разговора мне начинает казаться, что греческий я понимаю лучше, чем английский.

Ни за какими впечатлениями я сюда не ехала. Все просто: подруга Регина пригласила меня в трехдневную поездку на Крит, организованную профсоюзом банка, где она работает. Стоило все увеселение — хвала профсоюзу — сущие копейки, так что это был случай явно из тех, о каких моя бабка всегда говорила: «Жалко было не купить». Собственно, поехала

я на Крит, чтобы расслабиться и хотя бы на три дня отвлечься от работы над книгой, отдалиться от нее, отвернуться — так художники отворачивают лицом к стене незаконченный холст. И никаких впечатлений, пожалуйста. Одна лишь нирвана у синего моря, под музыку... сиртаки? или как это здесь называется?

Наш отель, новый и очень модный, спроектированный «в духе древних дворцов Эллады» (все, что я ненавижу в современной архитектуре: минимализм, стекло, металл, острые углы, неудобство во всем, и все принесено в жертву великому замыслу и стилю — причем скоплению этих барачков выдано пять звездочек), наш супердорогой и очень модный отель находился в приморском городке или, скорее, деревушке под названием Колимпари.

Приехали под вечер, а на рассвете я вышла на балкон и — видимо, наш балкон выходил на оборотную сторону счастья — под утренним, еще бесцветным небом увидела скудный пейзаж Самарии: каменистые холмы, редкие эвкалипты и сосенки на них, вперемежку с какими-то

колючими кустами. С одного склона горы на другой, тихо позвякивая колокольцами, перетекало стадо мохнатых местных козочек «кри-кри».

И никакого моря в обозрении, лишь молодые чахлые пальмы выстроились вдоль дорожек, дураки дураками, на задворках молодого отеля...

«Приехали», — подумала я и крикнула в комнату:

— А погулять где-нибудь здесь найдется?

Подруга бывала на Крите, довольно много по нему ездила. Но упоминать о Лабиринте и прочих великих древностях не стала, зная мою неспособность восхищаться камнями (пусть даже и легендарными) и мою манеру подтрунивать над туристами, припадающими ко всем святыням, рекомендованным путеводителями.

Тут уместно добавить, что Судьба, со свойственной ей иронией, меня наказала достойно: моя собственная дочь стала археологом и уже не раз тщетно пыталась пристрастить меня к каким-то бывшим склепам и пустым саркофагам. Недавно демонстрировала снимки обнаруженной гробницы царя Ирода. «Посмотри, — го-

ворила она, склоняясь над моим плечом и кивая на бликующий экранчик смартфона. — Ты только глянь на эту красоту!» Я же видела одни лишь камни, беспорядочно нагроможденные.

«У тебя нет ни капли воображения», — огорченно вздохнула дочь.

И это правда. Я способна понять красоту собора, уют какой-нибудь средневековой аптеки с ее старинными склянками, медными ступками и перегонными аппаратами; готова бесконечно искать свой улов в авоське венецианских *кампо* и *калле*, но не в состоянии мысленно достроить стены над мертвыми камнями, возвести в воображении арки, вставить витражи в свинцовые переплеты окон, воздвигнуть купола и шпили...

Подруга появилась на балконе с мокрыми после душа волосами, в банном халате — как обычно, бодрая с утра. Достала сигарету из пачки, закурила...

— Знаю-знаю, — сказала, отгоняя дым ладонью. — Тебе нужно «вещество жизни», да? Таверны, море, вино, лавки со всякой пыльной дрянью, живописные идиоты, уличные драки...

— Можно покататься на кораблике, — примирительно заметила я. — Только, за-ради всех греческих богов, никаких минотавров! Лучше просто нанять водителя и колесить по дорогам и деревенькам. — И кивнула на тихо звенящее стадо «кри-кри»: — Здесь должны быть отличное вино, потрясающее мясо и отменный козий сыр.

Так возник синеглазый василиск Васисис.

* * *

Он заехал за нами ранним утром: в июне на Крите надо ловить утреннюю прохладу, подставляя лицо гулящему ветерку, погружая благодарный взгляд в синие-зеленые тени платанов.

Одет был наш полугид в легкий светлый костюм, довольно элегантный, и, хоть галстук, видимо, не входил в его гардероб, воротник расстегнутой у горла белой рубашки был отглажен и весьма красиво оттенял загорелую шею и лицо с грозным носом, но полноватыми, добродушными щеками. Небольшая лысина тоже была отполирована природным золотистым загаром.

Он был безупречен: представился, вежливо осведомился, куда бы дамам хотелось ехать, — в сторону Ливийского моря, например? Знаменитый монастырь, горные деревушки, великолепный пляж? Кастели? Фаласарна? Хрисоскалитисса? Полириния? Платанос?

— О'кей, — любезно отозвалась моя подруга, а по-русски вполголоса добавила: — Хрен с ним, пусть везет куда знает. Главное, чтобы вывез к пляжу... забыла название, что-то зубодробительное, но дивное море и странный розовый песок — я была там в восемьдесят пятом году.

...Минут тридцать летели по прибрежному шоссе, пролистывая синие окна и двери домов приморских деревень. Мелькали таверны, пансионаты, сдобные византийские церкви, похожие на пасхальные куличи. Некоторые меньше моей кухни. У меня вообще-то большая кухня, но подобное пришедшее на ум сравнение все же слегка обескураживало.

Апогей этого умиленного церковного уюта я видела по дороге из аэропорта: на хвосте выступающей в море косы,

длинной и узкой, как лезвие критского кинжала — словно лягушонок вскочил на травинку, — сидела церковка размером с исповедальню, едва ли не в человеческий рост — и была как гриб-боровик, выросший сам-три, с тремя голубыми шляпками.

А когда свернули на проселочную дорогу, уходящую вверх, в горы, нам все чаще стали попадаться совсем уж миниатюрные — высотой с напольные часы или даже меньше — часовни на обочинах. Они похожи на тщательно сработанные макеты церквей — с нефами, барабанами, куполами и окнами. Внутри крошечной залы за стеклянной дверцей помещена толстая свеча или масляный светильник. На мой вопрос, к чему эти милые, но неуместные на такой крутой дороге развлечения, Василис меланхолично ответил, что это придорожные капеллы в память о погибших в авариях. Их ставят осиротевшие семьи... либо сами жертвы, добавил он, в память о спасении.

— Смотря в каком виде жертва выползла из госпиталя, — хмуро заметила на это Регина. Заядлая курильщица, она уже мечтала о привале: «полюбоваться пейзажем».